

отделами; разослать инструкции по ведению журнала; использовать в журналах отметки для нахождения справок и бумаг; равномерно распределить работу между сотрудниками и избавиться от дублирования информации; применять блокнотную систему для ведения переписки между профессорско-преподавательским составом; провести телефонную связь; ознакомиться с ведением делопроизводства и отчетности; принимать во внимание квалификацию работника при занятии должности в делопроизводстве; провести перепланировку канцелярии; и др. [12].

Таким образом, акты и протоколы НК РКИ по обследованию штатов и структуры БГУ являются ценным источником по истории государственного контроля в сфере архивного дела и делопроизводства. Рекомендательно-совещательный характер работы, раскрытие результатов проверок для общественности, научно-практическая составляющая, совместные усилия рядовых работников и руководящего состава отражали специфику государственного контроля и его становление в 20-е 30-е гг. XX в. в БССР.

Библиографический список

1. Злотник М. И. ЦКК – РКИ Белоруссии в борьбе за укрепление и совершенствование государственного аппарата республики. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Минск, 1959. 34 с.
2. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 101. Оп. 1. Д. 2187. Л. 50.
3. НАРБ. Ф. 101. Оп. 1. Д. 2292. Ч. 2. Л. 45.
4. Гернович Т. Д., Шапко А. С. Университетский архив: начало деятельности и формирование архива БГУ // Пічэтаўскія чытанні – 2021: 100 гадоў БДУ – першаму ўніверсітэту Беларусі: матэрыялы міжнар. навук. -тэарэтыч. канф., Мінск, 27–28 кастр. 2021 г. Мінск: БДУ, 2021. С. 69-77.
5. НАРБ. Ф. 101. Оп. 1. Д. 2889. Ч. 1. Л. 20.
6. НАРБ. Ф. 101. Оп. 1. Д. 2292. Л. 116.
7. НАРБ. Ф. 101. Оп. 1. Д. 2187. Л. 56.
8. НАРБ. Ф. 101. Оп. 1. Д. 2889. Ч. 1. Л. 13.
9. НАРБ. Ф. 101. Оп. 1. Д. 2889. Ч. 1. Л. 28-30.
10. НАРБ. Ф. 101. Оп. 1. Д. 2889. Ч. 1. Л. 33.
11. НАРБ. Ф. 101. Оп. 1. Д. 2889. Ч. 1. Л. 34.
12. НАРБ. Ф. 101. Оп. 1. Д. 2889. Ч. 1. Л. 40.

ВЫСШАЯ ШКОЛА СССР В ГОДЫ ПЕРВОЙ ПЯТИЛЕТКИ

Г. А. Петащенко

Белорусский государственный университет, проспект Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь, petakoff@yandex.ru

В годы первой пятилетки высшая школа СССР претерпела коренные преобразования во всех сферах своей деятельности. Произошли серьезные корректировки в социальном составе учащихся, изменения учебных программ и

сокращение сроков обучения, их адаптация к изменившимся требованиям советской экономической модели. Особое внимание уделено рассмотрению изменению взаимоотношений власти и преподавательского состава.

Ключевые слова: высшая школа; советские студенты; советская профессура; первый пятилетний план.

HIGHER SCHOOL OF THE USSR DURING THE FIRST FIVE - YEAR PLAN

G. A. Petachenko

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030,
Minsk, Republic of Belarus, petakoff@yandex.ru*

During the first five-year plan, the Higher School of the USSR underwent radical transformations in all spheres of its activity. There have been serious adjustments in the social composition of students, changes in curricula and shortening of study periods and their adaptation to the changed requirements of the Soviet economic model. Special attention is paid to the change in the relationship between the authorities and the teaching staff.

Keywords: higher school; Soviet students; Soviet professorship; the first five-year plan.

В конце 1920-х гг. в связи с резко возросшими потребностями народного хозяйства в специалистах Народный комиссариат просвещения (Наркомпрос) РСФСР активно занялся реконструкцией учебного процесса в вузах, стремясь как можно больше сблизить обучение с производством. В 1928 г. методическим сектором Наркомпроса РСФСР были разработаны типовые учебные планы, по которым срок обучения в технических вузах сокращался до 3 лет. На июльском Пленуме ЦК ВКП(б) 1928 г. был поднят вопрос о централизации и унификации системы высшего образования во всесоюзном масштабе. В соответствии с перспективным планом развития промышленности Пленум постановил «приступить с 1928/29 учебного года к унификации систем технического образования СССР» [6, с. 141]. Было признано целесообразным ввести непрерывную производственную практику в вузах, для чего установить контакт вузов с соответствующими хозяйственными органами.

Партийные решения потребовали внесения изменений в целевые установки вузов. Наркомпрос РСФСР занялся выработкой номенклатуры специальностей, необходимых государству для социалистического строительства. Одновременно шло определение «профилей» вузов, т.е. их специализация, по которой проходила подготовка специалистов по утвержденной номенклатуре. «Профили» должны были согласовываться с теми органами, для которых готовились кадры. В целях усиления связи с производством было принято решение о прикреплении к крупным

предприятиям технических вузов. Вопрос об унификации систем технического образования находился в центре внимания и профсоюзных органов. Администрация предприятий и профсоюзные объединения получили возможность оказывать решающее влияние на постановку учебного процесса. В 1928 г. СНК СССР был издан декрет о передаче в ВСНХ ряда специальных высших учебных заведений и техникумов. Для управления ими создавалась специальная структура – Главное управление высших технических учебных заведений (Главтуз). [8, с. 130].

Отличие нового плана подготовки состояло в том, что для каждого типа вузов разрабатывался индивидуальный перечень предметов, тогда как ранее использовался единый учебный план. В новом формате учебного плана уменьшалось количество предметов, что способствовало сокращению сроков обучения в вузе. При этом количество учебного времени, отводимого на производственную практику, возросло до 40–50 % от общего количества учебных часов. Вводилась система чередования теоретического обучения с производственной практикой, когда месяц учебы сменялся месяцем практики [5, с. 150]. Таким образом характерным для вузов в конце 1920-х гг. являлся перенос акцентов с фундаментальной научной подготовки студентов на прикладную, узкопрофессиональную подготовку специалистов нового типа.

С началом реализации первого пятилетнего плана вновь обострился классовый подход в формировании студенческого контингента в высшей школе. На основании решений июльского Пленума ЦК ВКП(б) в 1928 г. процесс пролетаризации усилился, вводилась жесткая норма приема пролетарской молодежи в вузы – 65 %. Для радикального изменения социального состава и усиления партийного влияния в вузы была направлена парттысяча. В ее составе рабочих было 66,9 %, крестьян – 4,9 %, служащих – 28,2 %. Была поставлена задача повышения рабочего ядра во втузах при приеме 1929 уч. г., в которых процент «рабочего ядра» среди общего приема должен был составить до 70 %, а в сельскохозяйственных вузах – до 75 % [6, с. 141].

Одновременно определялась необходимость улучшения общего состава студенчества путем улучшения его социального состава. Признавая опыт посылки на учебу парттысячи себя оправдавшим, ставилась задача провести в 1930/31 и 1931/32 уч. г. поступление во втузы двух тысяч идеологически испытанных студентов, а в следующем уже трех тысяч [5, с. 150]. Данные установки распространялись и на союзные республики. Так,

на заседании СНК БССР в 1929 г. было решено проводить классовый отбор при приеме студентов и систематическую проверку студентов [4, л. 85].

Формально «классовый принцип» был отменен только в середине 1930-х гг., когда выросло число потенциальных абитуриентов «из интеллигенции» за счет детей тех, кто сам в первые послереволюционные годы поступал в вуз по разряду «пролетариев» и «выдвиженцев». Такие лица составляли уже новую группу, взаимоотношения с властью у которой были если не лояльными, то вполне комфортными. Считалось, что «потомственная советская интеллигенция» – дети тех, кто получил образование и вошел в состав интеллектуального слоя благодаря советской власти. Поэтому как бы отпала необходимость в прежнем жестком регулировании социального состава студенчества. Тем не менее, фактически и в 1930-е гг. при приеме в вузы по-прежнему отдавалось предпочтение рабочим и крестьянам.

В данный период пристальное внимание уделялось и профессорско-преподавательскому составу высшей школы. Смена в 1929 г. руководителя Наркомпроса РСФСР А. В. Луначарского, не разделявшего начавшихся преобразований в области высшей школы, на сторонника радикальных преобразований А. С. Бубнова предопределило новый этап развития. Начало его было ознаменовано рядом политических процессов, направленных против представителей старой интеллигенции, которая воспринималась виновницей «неудач на промышленном фронте» [7, с. 179]. Так, по глубоко исследованному в современной российской историографии так называемому «Академическому делу» 1929 г. были осуждены ученые-историки Ленинграда, Москвы, Минска (С. Ф. Платонов, М. М. Богословский, Е. В. Тарле, М. К. Любавский, А. И. Андреев, В. И. Пичета, С. В. Бахрушин, Б. А. Романов и др. [2, с. 18]. Это в целом повлекло резкое изменение позиции руководящих органов в системе советского образования и науки к ученым, которых и ранее относили к «старой интеллигенции», даже в полной мере проявлявшей свою лояльность [1, с. 133–134].

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. Наркомпрос РСФСР инициировал переизбрание университетских советов и проведение конкурса на должности профессорско-преподавательского состава в самых значимых вузах – в I Московском университете, Московской сельскохозяйственной академии им. Тимирязева, Московском высшем техническом училище, Московском институте народного хозяйства им. Плеханова, ЛГУ, ЛПИ, ЛТИ, ДПИ [9, с. 39]. Это переизбрание имело определенную

идеологическую окраску и было связано не только с конкретными задачами согласования кандидатов на должности ассистентов и с технической коррекцией штатного расписания вузов. В основном через переизбрание предполагалось удалить из высшей школы остававшуюся нелояльной к советской власти профессуру. В 1929 г. кампания по переизбранию профессорско-преподавательского состава проходила достаточно открыто: на собраниях присутствовали как профессора, так и студенчество. Это выглядело вполне либерально, однако на практике студенты превращали процесс переизбрания в нечто схожее с «академической чисткой». Когда в МВТУ отчитывался профессор Горбенко, студенты выступили с резкой критикой его научно-педагогической деятельности, раскритиковали за то, что лекции «оторваны от промышленности». Профессора же, руководствуясь корпоративной солидарностью, как правило воздерживались от критики друг друга. Так, в Плехановском институте выступление профессора Абрикосова, в котором он подверг публичной критике своего коллегу, было истолковано как неэтичный поступок. Многие профессора и преподаватели перестали с ним здороваться и подавать руку. По-иному поступил проф. ЛГУ Глушкевич: зная о сложностях, которые испытывал в работе молодой коллега, тем не менее он дал ему прекрасный отзыв. Некоторые профессора отказались отчитываться о своей работе перед студенчеством, а проф. МВТУ Черновский отослал желающих ознакомиться с результатами его работы в библиотеку и там почитать его публикации. Некоторые студенты защищали своих преподавателей, отмечая, что наука является беспартийной. Правда, другие в ответ заявляли, что наука может и беспартийная, но преподаватель – не беспартийный. Подобный либерализм в оценках, отсутствие в них критики расценивались как «враждебные вылазки против пролетарской общественности» [11, с. 28].

В студенческой печати в этот период появляются «разоблачительные» статьи по отношению к отдельным преподавателям. Например, в одной из них некий В. Чудновский рассмотрел деятельность доцента Пояркова, утверждавшего, что из коммуниста никогда не выйдет толкового инженера, ибо все коммунисты являются агентами ГПУ, а такое совмещение не позволяет учиться как следует. В качестве вывода автор сформулировал простой, но многозначительный тезис: «Не думали ли вы о том, что в вузе, где 45 % партийно-комсомольской прослойки, вам нет места» [10, с. 10–11].

Серьезные изменения в конце 1920-х гг. происходят и в Белорусском государственном университете. Обычным делом стало обвинение

преподавателей и студентов в излишней увлеченности изучением особенностей местной культуры. Например, только в течение 1928–1929 гг. по обвинению в «великодержавном шовинизме» и «нацдемовщине», отсутствию в работе марксистских принципов были уволены более 30 преподавателей.

В. И. Пичета пытался отстаивать интересы своих коллег и направил 11 июня 1928 г., письмо в Наркомпрос БССР в котором в частности отмечал: «Калі не навуковыя заслугі, ні ўкараненне на Беларусі, ні Палажэнне аб навуковых працаўніках не замацоўваюць становішча працаўніка ва ўніверсітэце, то кожны з працаўнікоў будзе думаць так: сягоння так паступілі з маімі таварышамі, заўтра са мною – трэба пакідаць універсітэт» [4, л. 23]. Уже вскоре от руководства университетом был отстранен и сам Владимир Иванович. Последовали существенные перестановки в системе управления университетом, «разукрупнение» наиболее значимых университетов страны. Это стало логичным продолжением партийной политики в отношении высшей школы, в которой сочетались и необходимый в тех условиях экономический прагматизм, и безусловная идеологическая надобность.

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. под постоянным контролем со стороны партийно-государственных органов власти происходили решительные изменения организации деятельности советской высшей школы. Изменения организации учебного процесса не дали результата, на который, несомненно, рассчитывало руководство страны. Негативные последствия непродуманной ломки учебных планов и применения «активных» методов обучения к середине 1930-х гг. стали настолько очевидными, что пришлось отказаться от продолжения реформирования и вернуться к прежней классической системе преподавания. Однако социалистические ориентиры в подготовке «пролетарской интеллигенции» при всем этом еще более очерчивались.

Библиографический список

1. Зеленов М. В. Академия наук СССР и ЦК ВКП(б). 1927–1930 // Исторический архив. 1997. № 4. С. 124–141.
2. Литвин А. Л. Без права на мысль. (Историки в эпоху Большого террора. Очерки судеб). Казань: Татарское кн. изд-во, 1994. 191 с.
3. Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 4 п. Оп. 1. Д. 4601. Протоколы, сведения и другие материалы БГУ. Ліст рэктара БДУ У. І. Пічэты у Наркамасвет БССР ад 11 чэрвеня 1928 г.

4. Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 7. Оп. 1. Д. 690. Постановление СНК БССР от 28. 11. 1929.
5. Об исполнении решений июльского пленума ЦК о подготовке технических кадров (Резолюция пленума ЦК ВКП(б) от 16/XI 1929.). / Директивы ВКП(б) по вопросам просвещения / Ин-т планирования и организации нар. образ. – 3-е изд., пересмот. и доп. Л. ; М.: Народный ком. прос. РСФСР. Огиз, 1931. / под ред. И. Д. Давыдова. С. 150.
6. Об улучшении подготовки новых специалистов (Резолюция пленума ЦК ВКП(б) от 12/VII 1928.). / Директивы ВКП(б) по вопросам просвещения. С. 141.
7. Перчёнок Ф. Ф. Академия наук на «великом переломе» // Звенья: Исторический альманах. Вып. 1. М., 1991. С. 179.
8. Соловьев С. Н. К вопросу о координации деятельности Наркомпросов. // Народное просвещение. 1929. № 8–9. С. 126–133.
9. Список вузов, работники которых подлежат переизбранию в 1-ю очередь // Еженедельник Народного комиссариата просвещения РСФСР. 1929. № 20–21. С. 39–40.
10. Чудновский Н. Разрушим академический феодализм. // Красное студенчество. 1929. № 11. С. 10–11.
11. Шлемиль П. Наши учителя // Красное студенчество. 1928 № 9. С. 28.

КЛАССИФИКАЦИЯ ДОКУМЕНТОВ И ДЕЛ В ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕ И АРХИВЕ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА В КОНЦЕ 1920-Х – НАЧАЛЕ 1930-Х ГГ.

О. А. Посредников

*Белорусский научно-исследовательский институт
документоведения и архивного дела (БелНИИДАД),
ул. Кропоткина, 55, 220002, г. Минск, Республика Беларусь
oleg.posrednikov@bk.ru*

Статья посвящена проводимым работам в области документных классификаций в делопроизводстве и архивах учреждений БССР на примере Белорусского государственного университета. Рассматривается проводимое в конце 1920–х гг. построение в Белорусском государственном университете системы классификации и индексации документов и дел, основанной на десятичной системе классификации. Демонстрируется применение разработанной системы классификации и индексации документов и дел для рационализации делопроизводства и упорядочения архивного хранения документов и дел в Белорусском государственном университете.

Ключевые слова: архивы; Белорусский государственный университет; делопроизводство; классификация документов; рационализация делопроизводства.